

О-СВОЕМУ, в ином плане, следовал Толстому выдающийся японский писатель Мусянокодзи Санэацу (родился в 1885 году). Его имя связано с группой «Сиракаба» («Белая береза»), возникшей в 1910 году как реакция на бескрылый натурализм и декаденство, которые с разных сторон давали себя знать на новом этапе японской литературы. Однако отнюдь не все писатели, объединившиеся вокруг журнала «Сиракаба», стояли на позициях передового, действительного критического реализма. Большинство участников группы «Сиракаба» было далеко от революционно-бунтарской идеологии. Социальное преобразование общества они мыслили через нравственное совершенствование личности и приближение человека к природе. Так оказались им сродни толстовские идеи всеобщей любви, непрямого участия в физическом труде и т. д. Эти идеи (применительно к японской действительности) они и пропагандировали в своих произведениях и пытались осуществить в жизни.

Еще в ранней юности, учась в аристократическом лицее, Мусянокодзи Санэацу прочитал ряд сочинений Толстого и был покорен ими. Впоследствии он вспоминал:

«Если я встречал в журнале хотя бы одну строку о Толстом, я покупал его. В лицее из-за этой моей страсти друзья шуточно прозвали меня «Толстой». Каждую книгу Толстого я брал в руки с волнением. Самого Толстого я часто видел во сне»¹.

После прочтения биографии Толстого, которую он полностью переписал в тетрадь, юный Мусянокодзи, подражая Толстому, отказался от намерения учиться на юридическом факультете и поступил на факультет социальных наук Токийского университета. Свой образ мыслей в этот период он впоследствии описал так:

«Под влиянием Толстого я стал отрицать всю свою прош-

лую жизнь, а также и господствующий социальный строй. Моя родня была полна страха за меня, но не стала мне мешать думать по-своему... Во мне все более укреплялась решимость изменить свою жизнь».

Исключительное впечатление произвела тогда на Мусянокодзи «Крейцера соната». Чтение этой повести совпало, по его рассказу, с тем периодом, когда он тяжело страдал от безответной любви. Повесть Толстого помогла ему преодолеть эти тяжкие муки. Впоследствии он писал:

«Чем глубже я вчитывался в «Крейцерову сонату», тем острее я воспринимал ее. Каждое ее слово, каждая фраза шли от искреннего сердца автора. Я был захвачен своеобразным чувством, мучительным и трогательным одновременно... Я очнулся от кошмара. Повесть

Толстого спасла меня. Отныне я еще более убедился, что Толстой — мой учитель».

В 1904 году, в разгар русско-японской войны, Мусянокодзи Санэацу прочитал статью Толстого «Одумайтесь!», а через год — и вторую его статью, посвященную войне: «Единое на потребу». С этих пор он стал решительным противником милитаризма. После прочтения статьи «Единое на потребу» он записал:

«Когда я читал это сочинение, я не переставая чувствовал себя виноватым и испытывал муки совести. Вообще книги Толстого для меня мучительны. Я несколько раз решался оставить их, но тут же что-то заставляло меня возвращаться к ним. Под их воздействием во мне росло чувство правды, но оно не всегда согласовалось с моей жизнью».

Свое острое восприятие гуманизма Толстого, а также свои юношеские переживания, связанные с чтением его произведений, Мусянокодзи позднее воплотил в талантливых повестях «Один мужчина», «Простодушный», «Не знающий света», «Счастливцев», «Дружба» и в пьесах «Его младшая сестра»,

**КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО**

«Да здравствует человек!» и других. Некоторые из этих сочинений (например, драма «Его младшая сестра») проникнуты резким антивоенным чувством. В других произведениях звучит в полный голос толстовская проповедь добра, справедливости, гуманного отношения к человеку. Эта проповедь большей частью носит у него, как и у Толстого, абстрактно-гумани-

ЯПОНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

стический характер, но демократизм Мусянокодзи, его боль за человека, за царящую в мире несправедливость несомненны.

Прямым воздействием идей Толстого отмечена и публицистика Мусянокодзи. В духе толстовского «Не могу молчать!» написана, например, его статья в защиту 900 крестьян острова Тайвань, осужденных в 1915 году на смерть за восстание против японских угнетателей. Духом обличения и протеста полны и его пацифистские статьи периода первой мировой войны («Снова война», «О теперешней войне», «Война в пользу мира»). Вот что он писал в одной из них:

«Когда Толстой однажды увидел смертную казнь, он сказал, что всем своим существом почувствовал ужас этого преступления... Война — та же казнь, но в огромных размерах. Если бы Толстой дожил до наших дней, он грозно, на весь мир, сказал бы свое «Не могу молчать!». И его голос, возможно, был бы услышан. Но, к счастью для него, он не дожил до этого безумия. А мы? Мы беспомощны перед злой всепожирающей стихией, хотя

Окончание. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 11 за 1970 год.

¹ Здесь и ниже выдержки из сочинений и дневников Мусянокодзи и других японских писателей цитируются по материалам, полученным мною от японского литературоведа М. Морикава. На русском языке публикуются впервые. Переводы М. Морикава.

каждый из нас несет свою долю ответственности за нее... И все же и верю в человеческий разум, в торжество света над тьмой».

Наиболее значительной попыткой Мусьянокодзи осуществить в жизни моральные принципы Толстого была его «Атарисики мура» («Новая деревня»), которую он со своими единомышленниками организовал в 1918 году в местности Исикавати, на острове Кюсю. Это была трудовая земледельческая община по образцу толстовских колоний в России. Все ее члены — 30 человек — занимались «хлебным трудом», доход от которого обеспечивал им материальное существование. В свободное от общей работы время каждый из них предавался своим излюбленным занятиям, в том числе чтению сочинений великих моралистов.

О ЛЬВЕ ТОЛСТОМ

«Новые деревни», число которых вскоре выросло до тридцати, были благородной попыткой последователей Толстого создать в Японии первичные ячейки общества на основах коллективного труда и социальной справедливости. Они выразили стремление лучшей части японской интеллигенции построить жизнь на иных, более разумных началах, чем те, какие существовали в императорской Японии. Но, как и можно было ожидать, этот социальный эксперимент был обречен на неудачу. Классовая борьба, которую отрицали Мусьянокодзи и его соратники, давала себя знать и внутри общин. Извне на них давил дух стяжательства и наживы. Островки «правильной жизни» подвергались преследованиям властей. К тому же большинство «общинников» состояло из городских интеллигентов, не приспособленных к тяжелому сельскому труду. И японские «новые деревни», как и толстовские колонии в России, постепенно распались.

Поучительными памятниками благородной, но утопической идеи Мусьянокодзи остались его литературные произведения, написанные в эти годы. Такова,

например, повесть «Счастливец», в которой устами преданного ученика рассказана жизнь старого учителя, буддийского монаха. Скромный в потребностях, неизменно сочувствующий и помогающий людям, он всю жизнь творил добро и поэтому был счастлив. Такими же мудрыми и счастливыми чувствуют себя монах Иккю в одноименной пьесе (1913) и некоторые другие герои Мусьянокодзи, посвятившие себя служению людям. Все они проникнуты духом опрощения, милосердия, любви к ближнему и на этой толстовской основе строят свою неприхотливую жизнь.

Значительное влияние идей Толстого ощущается и в творчестве замечательного прозаика, участника группы «Сиракаба» Арисима Такэо (1878—1923). Несмотря на то, что его литературная деятельность про-

многих узких воззрений, привитых ему с детства. И когда в 1904 году началась русско-японская война, молодой Арисима почувствовал себя свободным от шовинистического угара, которым была охвачена значительная часть интеллигенции. Вот какую запись мы находим в его дневнике в феврале 1904 года:

«Судьба моей страны во многом зависит от отношений с Россией. Но я почему-то больше всего думал о Толстом.

Вот сейчас сижу у окна, выходящего в сад, и перед моим взором возникает бесконечная заснеженная русская степь. Среди ее беспредельных просторов затерялась деревенька, а в ней — старик с большой седой бородой и усами, свисающими, как сосульки. В простой крестьянской одежде, у горячей печи, он думает свою думу, и морщины бороздят его вдохновенное лицо. Только он один, как яркая звезда во мраке ночи, освещает теперь человечеству путь к свету и разуму».

И далее:

«Не раз выходил он на борьбу против царя и его слуг, вооруженный только любовью к людям. Бесстрашно обличал он и князей церкви, обвиняя их в лжи и фарисействе. На весь мир звучал его призыв: «Бросайте мечи, берите в руки мотыги!». И сам он, на склоне лет, отрекшись от дворянства, вышел с мотыгой в поле. Какое же ему сейчас видеть, как его соотечественников, горемычных русских крестьян, гонят в пекло войны, на муки, на страдания, на убой!».

Трехлетнее пребывание в США, общение с демократической молодежью, знакомство с сочинениями передовых мыслителей определили дальнейшую судьбу молодого социалиста. Он отошел от христианства и решил посвятить себя служению человечеству.

Впоследствии Арисима, говоря об этом периоде своей жизни, писал: «Я нашел свой путь благодаря творениям выдающихся мыслителей. Первый среди них — Толстой, который показал мне образец человечности. По нему я учился жить».

В 1906 году, возвращаясь из США на родину, Арисима на пароходе внимательно прочитал «Анну Каренину», и, как он отметил в дневнике, это имело решающее значение для его будущей писательской судь-

А. ШИФМАН

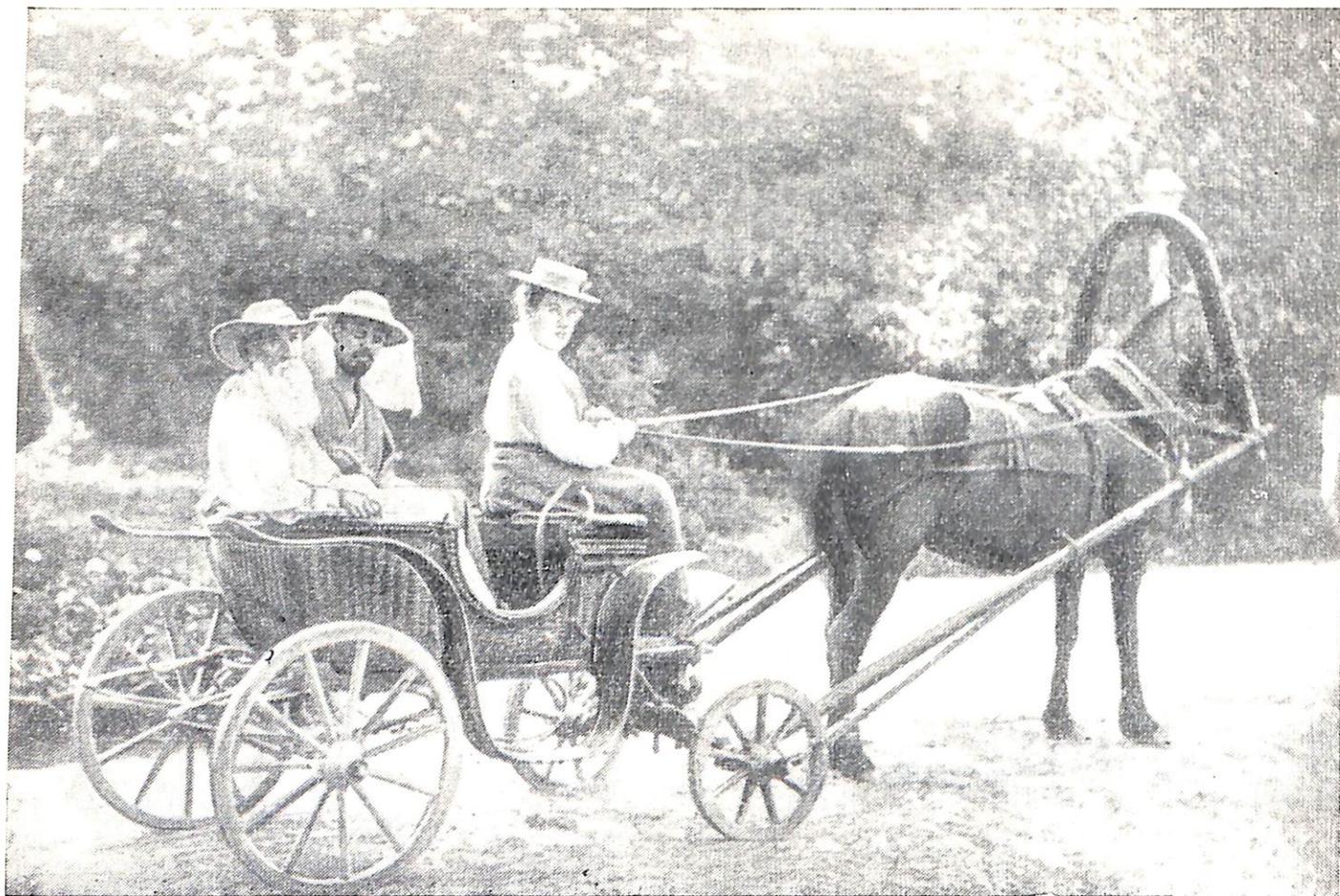
Кандидат филологических наук

должалась всего 14 лет, он оставил яркий след в истории японской литературы.

Арисима впервые познакомился с сочинениями Толстого в 1903—1905 годах в США, куда он юношей поехал учиться после окончания сельскохозяйственного факультета университета Саппоро (остров Хоккайдо). Еще на родине он принял христианство, считая, что оно больше отвечает его духовным запросам. В США молодой Арисима сошелся с социалистами, увлекся поэзией Уолта Уитмена и прочитал многие сочинения Толстого. С этого времени и до конца жизни его мысль была пленена гуманизмом русского писателя, которого он воспринимал в аспекте усвоенных им новых социалистических идей.

Через неделю после приезда в США Арисима посмотрел в Чикаго постановку «Воскресения», и, как он писал тогда брату, она заставила его над многим задуматься.

Чтение Толстого, познакомившего его с Россией и ее народом, увлечение социалистической литературой расширили кругозор будущего писателя, заставили его отрешиться от

Лев Толстой и японский писатель Токтоми Рока в Ясной Поляне (1906 год).

Фото С. А. Толстой

бы. Роман русского писателя о праве женщины на счастье заставил его задуматься над судьбой миллионов женщин Японии. Плодом этих раздумий был написанный впоследствии большой роман «Женщина», доньне воспринимаемый читателями как японская «Анна Каренина».

Вдумчивое чтение «Анны Карениной» сопровождалось многочисленными записями в дневнике Арисимы. Из них явствует, что будущий писатель отмечал в романе не только остроту поставленных в нем проблем и их актуальность для Японии, но и высокое искусство, с каким нарисованы люди и их судьбы. Этот русский роман был для Арисимы школой художественного мастерства, что впоследствии по-своему, самобытно сказалось в его собственном произведении. Вот заключительная дневниковая запись Арисимы:

«Я только что закончил чтение «Анны Карениной». Этот роман так удивителен, он написан столь сильно и, я бы сказал, красиво, что довел меня до слез. По-моему, он стоит вровень с «Божественной комедией» Данте».

Роман «Женщина» содержит применительно к японским условиям почти тот же круг острых социальных проблем, что и «Анна Каренина». В центре его — молодая энергичная женщина Сацuki Еко, которая стремится к любви и счастью. На ее пути глухая стена условностей: против нее муж-деспот и господствующая лживая мораль. Неравная борьба приводит в конце концов героиню к одинокой гибели на больничной койке. Но ее пробудившееся самосознание, ее мечта о свободных человеческих отношениях вызывают уважение и сочувствие.

Внимательным чтением Тол-

стого, несомненно, навеяна и повесть Арисимы «Триумф» — рассказ о лошади, когда-то блиставшей на военных парадах, а потом постепенно превратившейся в дряхлую деревенскую клячу. Противопоставление условий существования Триумфа (кличка рысак) в молодости и старости, а также роскошной жизни первого владельца лошади, снятого генерала, жалкому прозябанию ее последнего владельца — деревенского возчика заставляет вспомнить «Холстомера» Толстого.

О пристальном чтении Толстого говорит и рассказ Арисимы «Трава, примятая камнем». Молодая девушка объясняется со своим возлюбленным начальными буквами слов, которые она бросает ему на бумажках из окна своей комнаты. Сам автор в рассказе напоминает, что именно таким путем объяснились герои романа «Анна Каре-

нина» — Левин и Кити. Реми-
нисценции из Толстого и даже
прямые ссылки на него имеют-
ся и в других произведениях
Арисимы.

В группе «Сиракаба» Ариси-
ма примыкал к ее левому кры-
лу. Он не разделял идеи не-
противления и часто развивал
мысли, близкие к социалистиче-
ским. Но это не означало его
отхода от гуманизма Толстого.
Личному примеру русского пи-
сателя он последовал и в конце
жизни, когда отказался от свое-
го имения на острове Хоккайдо
и раздал землю крестьянам.

В 1923 году Арисима Такэо
вместе с любимой женщиной —
журналисткой Хатано Акико
покончил с собой. Причиной его
смерти были сложные общест-
венные условия и личные дра-
матические обстоятельства, до-
ныне полностью не выясненные.
Но нет сомнения, что даже тя-
желая личная трагедия и отчая-
ние не поколебали в нем его
благородных убеждений, кото-
рые он пронес через всю свою
жизнь.

Романист и публицист Нака-
дзато Кайдзан (1885—1944),
автор знаменитого романа «Пе-
ревал Дайбосацу», принадле-
жал к группе писателей, соз-
давших жанр «тайсю бунгаку»
— общедоступной массовой
литературы. В юности, совпа-
вшей с периодом русско-япон-
ской войны, его потрясли страст-
ные антивоенные выступления
Толстого, особенно его статья
«Одумайтесь!». Под ее впечат-
лением Накадзато, рискуя
жизнью, написал статью «На
смерть Верещагина» и напеча-
тал ее в социалистической
«Хэймин симбун» («Народной
газете»). В ней мы читаем:

«Мы завидуем России, где
живет Толстой, а узнав о смер-
ти Верещагина, мы не можем
еще раз не почувствовать
к этой стране уважения и
почтения. «Великая японская
империя», откровенно говоря,
что значит твое «величие»?
Какие идеалы есть у твоих пи-
сателей, кроме того, чтобы пре-
возносить убийства и предавать-
ся ничтожному самовосхвале-
нию? Какие идеалы, какие
стремления есть у твоих худо-
жников, кроме того, чтобы рисо-
вать ура-патриотические кар-
тинки? Не мешало бы подумать
об этом».

Через три месяца после опу-
бликования смелой антивоенной
статьи в той же газете появи-

НА СНИМКЕ — МОЛЕКУЛА МЕДИ

Группе японских ученых при помощи электронного микро-
скопа удалось получить снимок молекулы меди, размер кото-
рой составляет 1,6 нанометра (один нанометр — миллиард-
ная доля метра). До настоящего времени ученым не удава-
лось получать снимки объектов меньше десяти нанометров.
Снимок молекулы меди, сделанный в гемоглобине крови, в
азотно-водородной среде, будет демонстрироваться на Меж-
дународной конференции по электронным микроскопам в
Париже.

● Док для строительства танкеров водоизмещением до
миллиона тонн сооружается на одном из островов в бухте
Насакаки. Док будет сдан в эксплуатацию в 1972 году.

● Группа японских предпринимателей заключила договор о
поставках Китаю 4690 тысяч тонн сульфата аммония на сум-
му в 52 миллиона фунтов стерлингов.

ЯПОНСКИЕ РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

Шестнадцатилетние влюбленные бросились в жерло вул-
кана, потому что родители не давали согласия на их брак.
В старой Японии самоубийство в подобных обстоятельствах
было традицией, как и самурайское хакари, но для совре-
менной японской молодежи этот метод решения жизненных
проблем уже не характерен.

лось стихотворение Накадзато
«Песнь гнева» — страстный мо-
нолог японского крестьянина,
которого оторвали от поля, от
родной семьи и гонят умирать
на поля Манчжурии. Рефреном
к этому стихотворению были
полные горькой иронии слова:
«Но я иду умирать за тебя, им-
ператор».

Идеи мира и справедливости,
воспринятые у Толстого, волно-
вали Накадзато Кайдзан всю
его жизнь. Много сил отдавал
он изданию сочинений Толстого,
перевел сборник его изречений.
Как и Токутоми Рока, он пре-
вратил свое имение в миниатюр-
ную «Ясную Поляну», от-
крыл там воскресную школу и,
следуя примеру Толстого, сам
учил крестьянских детей. Авто-
ру этих строк посчастливилось
побывать в местечке Хамура в
доме Накадзато, сейчас пред-
ставляющем собой своеобраз-
ный литературный музей. Близ-
кие писателя бережно хранят
его архив, библиотеку и обшир-
ные коллекции литературных
материалов, в которых имеется
много ценных документов о
Толстом. В знак продолжаю-

щейся дружбы делегация Музея
Л. Н. Толстого посадила в саду
писателя три молодые елочки.

Из других литераторов, испы-
тавших благотворное влияние
творческого опыта Толстого и
содействовавших распростра-
нению его идей в Японии, мож-
но назвать выдающегося писа-
теля, в свое время примыкав-
шего к группе «Сиракаба», Си-
га Наоя (родился в 1883 году),
крупного новеллиста Акутагава
Рюноске (1892—1927), прозаик
и публицист Накадзато
Ринсэн (1880—1935), поэт
Сома Гёфу (1883—1950), дра-
матурга Курата Момодзо
(1891—1943). Каждый из них,
разумеется, воспринимал Тол-
стого со своих идейных пози-
ций, сквозь призму своего та-
ланта, своей индивидуальности.
Некоторые даже прямо выска-
зывали свое несогласие с рели-
гиозно-нравственной концеп-
цией Толстого. Но все они ис-
кренно считали себя последова-
телями его гуманистических
идей и отмечали огромное зна-
чение его творчества для раз-
вития общественной мысли, ли-
тературы и искусства Японии.